

Глава 7. Неожданность

В воскресенье у Гу Цзицина выдался свободный день, и он отправился в супермаркет за вещами для своего нового гнездышка. Однако, едва он вышел на улицу, нагруженный тяжелыми пакетами, как тут же остро пожалел об отсутствии машины. Попытался поймать такси, но сегодня, как назло, свободного транспорта на дорогах почти не было. За пятнадцать минут мимо проехала лишь одна машина, да и ту прямо перед его носом перехватила стайка девчонок.

Пока Цзицин хмуро переминался с ноги на ногу, прикидывая тяжесть покупок, прямо перед ним бесшумно притормозил патрульный автомобиль. Опустилось боковое стекло, открыв сидевшего за рулем Цяо Иня в отглаженной полицейской форме.

— Садись, — ровным тоном бросил он, даже не взглянув на Цзицина.

— Ты что, следишь за мной? — сквозь зубы процедил Цзицин.

— Вовсе нет. Тоже приехал за покупками, — Цяо Инь небрежно кивнул на заднее сиденье. Судя по коробкам, они действительно отоваривались в одном магазине.

— И почему же я тебя там не встретил? — Цзицин прищурился, глядя на него с глубоким подозрением.

— Потому что я покупал то, о чем ты даже не задумываешься, — невозмутимо отозвался тот.

— Использовать служебный транспорт в личных целях? Катиться же ты начал по наклонной, капитан Цяо... — ядовито хмыкнул Цзицин.

Цяо Инь не удостоил шпильку ответом и лишь повторил:

— Садись уже.

Цзицин огляделся по сторонам. Такси на горизонте так и не появилось, а пальцы от тяжелых пакетов уже начинало сводить судорогой. Сдавшись, он нехотя забрался в салон.

Едва за ним захлопнулась дверца, как на углу улицы молодой постовой поднес к губам рацию:

— Внимание всем постам, внимание всем постам! Объект в машине. Снять кордон, повторяю: снять кордон.

В отдалении группа патрульных бросилась поспешно растаскивать дорожные заграждения.

Косясь на громоздкие коробки с бытовыми мелочами на заднем сиденье, Цзицин не удержался от вопроса:

— Ты ведь здесь всего на пару дней? Зачем тебе все это? И вообще, когда ты собираешься обратно в свой город Б?

— Беспокоишься обо мне? — Цяо Инь едва заметно усмехнулся.

— Мечтай больше! Стал бы я о тебе беспокоиться. Не хочешь — не говори, — Цзицин сердито отвернулся к окну, надув губы.

Реакция Цзицина ничуть не задела Цяо Иня. Он спокойно ответил:

— Меня перевели сюда.

— Почему? — вырвалось у Цзицина.

Он тут же осекся. Подсознание уже нашептало очевидный ответ: этот человек приехал ради него. Но верить в подобное было страшно и сладостно одновременно — внутри все сжалось в тугую, противоречивый узел.

Цяо Инь оправдал его догадку без утайки:

— Сам подал рапорт о переводе. Ради тебя.

— Меня это не касается, — буркнул Цзицин, нахмурившись еще сильнее.

Машина мягко притормозила у подъезда. Цяо Инь заглушил мотор и первым делом потянулся к пакетам попутчика.

— Обойдусь без твоей помощи, — фыркнул Цзицин.

Цяо Инь на секунду нахмурился, а затем преспокойно вернул пакеты хозяину. Цзицин едва не задохнулся от злости. Выхватив вещи, он быстрым шагом направился к дверям подъезда.

Цяо Инь прихватил свои коробки и двинулся следом. Вместе они вошли в кабину лифта.

— Не смей за мной тащиться, — Цзицин впери́л в него яростный взгляд.

Цяо Инь промолчал, безучастно разглядывая бегущие цифры этажей на табло.

Двери открылись на десятом этаже. Цзицин шагнул на площадку — Цяо Инь не отставал. Он свернул в левое крыло коридора — преследователь повернул туда же.

— Цяо Инь, это уже переходит все границы! — Цзицин резко развернулся, едва не уронив покупки.

— Что я делаю не так? — спокойно спросил тот, проверяя, все ли коробки на месте, и даже не поднимая глаз.

— Если сделаешь еще хоть шаг, мы окончательно разругаемся.

Усталость навалилась свинцовой плитой, и тратить последние силы на эти нелепые кошки-мышки не хотелось.

— Я не иду за тобой. Я иду к себе домой, — ровным голосом ответил Цяо Инь.

Обойдя застывшего Цзицина, он уверенно зашагал по коридору, остановился у соседней двери, вытащил из кармана связку ключей, открыл замок, вошел внутрь и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Гу Цзицин так и остался стоять посреди коридора. Когда до него наконец дошло, что настырный капитан поселился прямо через стенку, он в сердцах выдохнул:

— Дерьмо!

Линь Юй в последнее время заметил одну странность: Е Минчэнь посещал абсолютно все его лекции. Даже самую узкоспециализированную и нудную «Информатику родственных связей микроорганизмов» юноша не пропускал.

Когда прозвенел звонок, Линь Юй вопреки своей привычке не стал спешно собирать конспекты, а направился напрямик к парте Минчэня. Тот поднял глаза и с легкой, едва уловимой полуулыбкой спросил:

— Учитель Линь, что-то случилось?

— Зайди ко мне в кабинет, как освободишься, — слегка нахмурился Линь Юй и, не дожидаясь ответа, развернулся к выходу.

— Учитель Линь, я свободен прямо сейчас, — улыбнулся Минчэнь.

Он быстро смахнул в рюкзак тетради и поспешил следом.

Войдя в кабинет, Линь Юй запер за ними дверь, небрежно скинул пиджак и опустился в глубокое кресло. Закинув ногу на ногу и сцепив пальцы на колене, он уставился на вошедшего тяжелым, проницательным взглядом.

— Учитель Линь... — негромко и ласково позвал Минчэнь.

Под этим леденящим взглядом он не проявил ни капли робости. Напротив, на его губах играла все та же безмятежная, теплая улыбка.

Линь Юй слегка прищурился. А мальчишка-то не промах, совсем не боится его. Будь то суровый академический тон, который Линь Юй держал на кафедрах, или опасный флер ночного хищника, исходивший от него в полумраке баров, — любого обывателя это заставило бы держаться на расстоянии. Но Минчэнь не просто игнорировал эти барьеры, он планомерно и осознанно шел на сближение.

— Я сверился со списками, — без лишних предисловий начал Линь Юй. — Официально ты записан только на один мой курс. Зачем тогда приходить на все остальные?

— Но вы ведь самый популярный преподаватель в университете, — Минчэнь невинно захолопал глазами. — Половина потока ходит к вам вольными слушателями. Почему вас задело присутствие именно моей скромной персоны?

— Вся эта популярность — глупые выдумки восторженных девчонок. А ты взрослый парень. Зачем тебе этот балаган? — Линь Юй изогнул бровь.

— Учитель Линь, это признание вашего таланта всем университетом, а не только девчонками, — Минчэнь очаровательно улыбнулся.

Прижимая к груди рюкзак, он смотрел на Линь Юя снизу вверх, и в его глазах плясали озорные искорки.

Линь Юй против воли смутился и сухо кашлянул, потирая переносицу. Сменив тон на более мягкий, он вздохнул:

— Минчэнь, то заведение принадлежит твоему кузену. О его специфике я распространяться не буду, но твое поведение... скажем так, несколько неуместно.

Линь Юй никогда не скрывал своей ориентации, но и выставлять ее напоказ не стремился. Не будь Минчэнь его студентом, он бы только обрадовался вниманию столь очаровательного юноши. Почему бы и нет? Приятная интрижка, легкий роман... Но Минчэнь учился у него. Служебные рамки делали подобные игры слишком рискованными.

— Но почему? — Минчэнь удивленно захлопал глазами. — Мне действительно нравятся ваши лекции, вот я и хочу узнать побольше. Разве это преступление?

— Если бы дело ограничивалось только учебой — вопросов бы не возникло, — Линь Юй тяжело вздохнул, глядя на студента. — Но скажи мне честно: неужели тебя интересуется только наука?

В глазах Минчэня читалось слишком много эмоций, которым явно не место в аудитории: восхищение, затаенный интерес, любопытство... Возможно, до настоящей влюбленности еще не дошло, но грань была опасно тонка.

— Учитель Линь, вы слишком глубоко копаете, — Минчэнь не переставал мягко улыбаться. — Вы невероятно харизматичный лектор, да и материал подаете потрясающе. Живо, свежо, ваши гипотезы ломают шаблоны. К тому же вы подлинный ученый, а не один из тех карьеристов, что думают лишь о грантах.

Линь Юй этот тон показался странным. Студенты так не разговаривают. Юноша рассуждал скорее как умудренный опытом академик, оценивающий подающего надежды коллегу.

И предчувствие его не обмановывало. Минчэнь забавно прикусил кончик языка и сознался:

— Ладно, каюсь: это не мои слова, а отца. Он сам велел мне брать с вас пример.

Линь Юй нахмурился. Отец? Неужели он лично знаком с родителем этого парня? Стоп... Фамилия Е... Е Минчэнь... Черты лица...

— Ты... сын декана Е? — изумленно выдохнул Линь Юй.

Е Сычжэ, пятидесятилетний декан Института микробиологии университета S, являлся непосредственным начальником Линь Юя. Человек авторитетный и уважаемый в научных кругах, в собственной семье он, как ни парадоксально, считался самым обычным. Куда более внушительной фигурой был его старший брат — ректор Е Сыли, признанный титан отечественной науки, чье имя заставляло благоговейно трепетать любого исследователя. Да и супруга декана не уступала родственникам: она числилась в редких рядах женщин-академиков Китайской академии наук и в вопросах теории подчас превосходила мужа.

Семья Е была потомственной научной династией. Но величайшей ее легендой оставался патриарх — Е Юндэ, отец Е Сыли и Е Сычжэ. До образования КНР он блестяще учился в США. Несмотря на все уговоры американцев остаться, молодой ученый вернулся на родину сразу после провозглашения новой республики, заложив фундамент для развития отечественной биологии.

Старец Е всегда отличался бескомпромиссностью. Когда в середине прошлого века наука пала жертвой идеологии и разразилась печально известная травля сторонников классической

генетики в угоду лженаучным теориям, большинство специалистов предпочли промолчать ради самосохранения. Но только не Е Юндэ. Он открыто выступил против навязываемой псевдонауки. В годы Культурной революции его бесчисленное количество раз подвергали публичным унижениям, клеймили и ссылали. Но даже находясь в хлеву на каторжных работах, он ухитрялся писать научные труды, используя вместо стола покрытые плесенью камни. Когда смутное время кончилось и эти рукописи были опубликованы на Западе, мировое научное общество ахнуло: в полной изоляции китайский ученый создал фундаментальный труд, опередивший американские разработки на годы.

— Учитель Линь, только пусть это останется между нами, — заговорщически подмигнул Минчэнь. — Отец не любит, когда в университете судачат о кумовстве. Ну так что, я могу идти?

— А... да, конечно, — пробормотал Линь Юй.

В голове у него воцарился полный хаос. В семье Е царила строжайшая дисциплина. Если Минчэнь действительно пришел на лекции лишь потому, что декан оценил его исследовательский талант, то сам он выставил себя полным идиотом с этими глупыми подозрениями. Неужели он настолько погряз в цинизме, что принял искренний интерес за флирт?

Минчэнь, закинув рюкзак на плечо, направился к выходу. У самой двери он обернулся и тепло улыбнулся:

— Спасибо за совет, учитель Линь.

Линь Юй проводил взглядом удаляющуюся фигуру юноши. Внутри внезапно поднялась волна непонятного раздражения... и едва уловимый укол легкого разочарования.

Когда Линь Хэ наконец вынырнул из творческого транса и отложил ручку, Лэй Цзюнь решил обсудить с ним вопрос о создании заглавной песни к фильму.

Линь Хэ ненадолго задумался, а затем согласно кивнул:

— Ты о песне «Сожаление»?

Он прекрасно помнил собственный роман — эта мелодия служила ключевой нитью, связывающей сюжет воедино.

— Именно, — подтвердил Лэй Цзюнь. — Хороший саундтрек для кино — половина успеха. Иногда песня уходит в народ и живет десятилетиями, даже когда сам фильм все позабыли. А в нашем случае «Сожаление» — не просто фоновая музыка, это сюжетобразующая деталь. Как

та самая легендарная мелодия в «Улыбке гордого странника».

— Но почему стихи должен писать я? — Линь Хэ поправил новые очки, подаренные актером, и недоуменно нахмурился. — У продюсеров наверняка полно профессиональных поэтов-песенников.

— Понимаешь, никто, кроме автора, не сможет прочувствовать то состояние, в котором главный герой писал эти строки, — Лэй Цзюнь пожал плечами. — Для меня этот проект — дело чести, я хочу довести его до идеала. Ну и, признаться честно, пиар-отдел компании спит и видит, как раздует сенсацию из нашего тандема ради кассовых сборов.

— Ну ладно, попытаться можно, — Линь Хэ в своем привычном жесте взъерошил волосы. — Только учти, я никогда раньше не писал тексты для песен. Подстрахуйтесь на всякий случай, если я все испорчу. И вообще, у меня висит неоконченная рукопись. Я буду сочинять стихи только по наитию, так что не вздумай меня торопить.

— Договорились, — тепло улыбнулся Лэй Цзюнь. — Но сроки поджимают, а муза — дама капризная. Может, на это время ты переберешься ко мне? Так будет гораздо проще ловить вдохновение за хвост.

— Я-то не против, но боюсь стать обузой, — смущенно улыбнулся Линь Хэ. — У меня совершенно безумный график. Когда я пишу, я отключаюсь от реальности и не замечаю ничего вокруг. Старший брат от этого вечно вешается.

— Пустяки, в актерской среде нормального режима ни у кого нет, — Лэй Цзюнь расплылся в широкой улыбке, в которой сквозило странное, почти детское предвкушение. Было ясно, что перспектива делить быт с этим чудаковатым писателем его скорее радует, чем пугает. — Бытовыми вопросами занимается мой помощник, так что тебе ни о чем не придется заботиться. Твори в свое удовольствие.

Линь Хэ снова на мгновение заворуженно застыл, увязнув в бархатном тембре голоса и этой ослепительной улыбке.

— Нужно это записать... — пробормотал он себе под нос.

В доме актера повсюду лежали блокноты и карандаши — Лэй Цзюнь сам часто ловил мимолетные мелодии и привык набрасывать ноты где придется. Для Линь Хэ это оказалось настоящим спасением. Схватив первый попавшийся листок, он мгновенно отгородился от собеседника невидимой стеной и принялся быстро-быстро строчить.

Когда Линь Хэ наконец с чувством выполненного долга отложил карандаш и побрел на кухню в поисках съестного, Лэй Цзюнь из любопытства подобрал исписанный листок. Почерк был отвратительным, но, присмотревшись, он сумел разобрать неровные строчки.

«Его улыбка подобна теплему мартовскому солнцу — мягкий, не слепящий свет, способный растопить даже лед. Его смех — как апрельская капель, мерно стучащая по старой мостовой. В такие минуты безумно хочется коснуться пальцами его кадыка, прильнуть к губам и проверить, действительно ли они так сладки, как кажется...»

У Лэй Цзюня вспыхнули уши. Это что... такой особый писательский флирт? Или завуалированное признание в любви? Чересчур смело для первой встречи. Но, черт возьми, до безумия мило.

На самом деле Линь Хэ даже близко не имел в виду ничего подобного. Он просто набрасывал портрет главного героя для своего будущего романа. Высокий, статный, обаятельный Лэй Цзюнь идеально подходил под задуманный образ, заставляя писательскую фантазию работать на полную мощность. Те строчки были всего лишь мыслями влюбленной героини. Кто же знал, что актер примет их на свой счет?

Линь Хэ от природы был весьма недурен собой — пожалуй, черты его лица казались даже более тонкими и изящными, чем у старшего брата. Вот только патологическая лень и неряшливость обычно превращали его в форменное пугало. Теперь же, чисто вымытый, в качественной домашней одежде из гардероба актера и в стильных дизайнерских очках взамен ужасной роговой оправы, он выглядел на удивление привлекательно. Легкий налет книжной меланхолии и сонная расслабленность придавали ему особое, манящее очарование.

Сейчас этот гений пера сидел на диване в обнимку с ведерком мороженого и с упоением орудовал ложкой, щурясь от удовольствия точно объевшийся сливок кот. Он даже не заметил, как умудрился испачкать кончик носа белым кремом.

Лэй Цзюнь заворуженно наблюдал за ним, чувствуя, как в груди разливается странное, щекочущее тепло. Раз уж парень сам сделал первый шаг в своих записях, то почему бы не ответить взаимностью?

Приняв решение, актер бесшумно подошел ближе, наклонился и мягко слизнул каплю пломбира с покрасневшего носа писателя.

Линь Хэ опешил. Замерев с ложкой во рту, он недоуменно уставился на Лэй Цзюня:

— Ты чего?

— Нос испачкал, — Лэй Цзюнь бархатисто рассмеялся, сознательно пуская в ход все свое профессиональное обаяние.

— А, спасибо, — простодушно кивнул Линь Хэ и преспокойно вернулся к прерванному занятию.

Лэй Цзюнь опешил от такой толстокожести. Слегка нахмурившись, он осторожно, но

настойчиво притянул писателя к себе за плечи и накрыл его губы своими.

Линь Хэ так и остался сидеть с ведерком в руках. Он сильнее сжал картонную упаковку, но не сделал ни единой попытки отстраниться, послушно и растерянно принимая поцелуй.

Когда Лэй Цзюнь наконец отстранился, Линь Хэ озадаченно почесал затылок, а затем сунул ведерко актеру прямо в руки:

— Если тебе тоже хочется мороженого, мог бы просто попросить. Зачем изо рта-то отбирать?

И с этими словами он быстро ретировался в ванную.

Лэй Цзюнь остался стоять посреди комнаты с тающим пломбиром в руках. Ситуация была донельзя глупой. Он-то решил, что те строчки в блокноте предназначались ему, но судя по этой сонной реакции, он явно поторопился с выводами. С другой стороны, даже если писатель не имел в виду ничего личного, нормальные люди после внезапного поцелуя ведут себя как-то иначе! Этот парень совмещал в себе пугающую проницательность в творчестве и абсолютную, непробиваемую толстокожесть в реальной жизни.

Чего Лэй Цзюнь точно не мог знать, так это того, что прямо сейчас Линь Хэ сидел на закрытой крышке унитаза, обхватив ладонями пылающее лицо.

«И что это сейчас было? — судорожно соображал он, пытаясь унять бешеный стук сердца. — Он ведь мужчина... Да и я тоже!»

<http://bllate.org/book/20530/2131360>